

УДК 316.33:101.8

ДИАЛОГИЗМЫ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

А.Д. Похилько, М.А. Губанова, В.Е. Лоба, И.А. Абдулаева

DIALOGISMS OF SOCIAL AND HISTORICAL CONSCIOUSNESS

A.D. Pokhilko, M.A. Gubanova, V.E. Loba, I.A. Abdulaeva

Аннотация. Диалогизм рассматривается в статье как условие сознательного диалога с его порождением личностных смыслов. Авторы соотносят диалогизм и диалог как бытие и сознание в их диалектическом соотношении и информационной взаимосвязи в культуре и российской истории. Диалог требует личностной автономии, которая раскрывается в диалогическом отношении с другой автономной личностью. В свою очередь, диалогизм близок по своему понятийному содержанию к коллективному информационному тезаурусу. Смыкание коллективных тезаурусов обеспечивает взаимопонимание людей на основе общих ценностей без сознательной рефлексии на индивидуально-личностные смыслы. Приводятся примеры диалогизмов российского социально-исторического сознания. Делается вывод о том, что личностный диалог является перспективным для дальнейшего цивилизационного развития российского общества и предпосылкой смягчения доминанты монологизма как антипода или закономерного дополнения диалогизма в российской истории.

Abstract. Dialogism is considered in the article as a condition for a conscious dialogue with its generation of personal meanings. The authors correlate dialogism and dialogue as being and consciousness in their dialectical relationship and informational relationship in culture and Russian history. Dialogue requires personal autonomy, which is revealed in a dialogical relationship with another autonomous personality. In turn, dialogism is close in its conceptual content to the collective information thesaurus. The closure of collective thesauri ensures mutual understanding of people on the basis of common values without conscious reflection on individual personal meanings. Examples of dialogisms of the Russian socio-historical consciousness are given. It is concluded that personal dialogue is promising for the further civilizational development of Russian society and a prerequisite for softening the dominant of monologism as an antipode or a natural addition to dialogism in Russian history.

Ключевые слова: диалог, диалогизм, монологизм, сознание, личность, российское общество, российская история.

Keywords: dialogue, dialogism, monologism, consciousness, personality, Russian society, Russian history.

Актуальность темы обусловлена противоречивостью исторического сознания, в частности, доминированием монологичности в массовом сознании, а также утратой многих естественных диалогических традиций духовной культуры. Диалогическое право и диалогическая политика имеют свои преимущества, поскольку выражают интенцию ненасилию. В ходе диалога прокладывается путь к согласию социальных субъектов, появляется возможность выработать программу политической деятельности в духе гуманизма и нравственности, сохранить права человека. Политический диалог –

важное условие демократии и становления гражданского общества. Несомненно, гражданское общество предполагает личностную автономию и сформированную правовую личность. В гражданском обществе идет перманентный диалог разнообразных социальных сил, разворачивается коммуникацию данных сил с государством и другими видами власти. Приобретает все большую значимость положение О.В. Орловой, считающей, что неартикулированность социальных позиций различных субъектов, социальных групп и социальных слоев общества, недостаточная коммуникация всех этих сил с мощной государственной властью не приближают, а удаляют российское общество от подлинного гражданского состояния [9, с. 12–18] .

Следует отметить, что тема недостаточно разработана. М.М. Бахтин, В.С. Библер, М. Бубер, Э. Левинас, С.Л. Франк заложили основы социально-философской методологии исследования диалогизмов социально-исторического сознания. Их творческое наследие изучают и развивают Е.П. Александров, Н.К. Антропова, А.В. Гурьянова, В.И. Кудашов, Т.В. Излученко и другие [1; 2; 4; 6; 7].

Наша задача – уточнение терминов и тезисное обозначение проблемы, выделение значимых эпистемологических трудностей, связанных с ее изучением. В частности, речь идет о выявлении онтологических диалогизмов, которые выражаются в различных эпистемологических формах диалога в социально-историческом познании и сознании. Вначале о терминах «историческое сознание», «диалог», «диалогизм» и других.

Что касается важного требования логики – дать определение основного понятия, привести дефиницию термина «исторического сознания», то в данном случае нет претензий на строгое определение, поскольку для решения поставленной задачи достаточно дать характеристику термина, выделив его существенные и отличительные признаки. Историческое сознание мы понимаем как общественно-индивидуальную форму духовности, которая включает такие компоненты, как:

- знание истории (историческая память);
- осмысление исторического опыта и вытекающих из него уроков;
- социальное прогнозирование;
- осознание социальной ответственности за свою деятельность.

В данном контексте особый интерес представляет осмысление личностью исторического опыта и вытекающих из него уроков, осознание личной экзистенциальной ответственности за индивидуальную историчность.

Диалог выступает атрибутом современного социально-гуманитарного знания и познания. Однако при этом диалог в социально-гуманитарных науках понимается не только и не столько как литературная форма разговора двух лиц, а гораздо более сложный и содержательно богатый социокультурный феномен. Понимание диалога только как обмена обезличенной информацией, а тем более как обмена языковыми формами, репликами, завуалировало бы или исказило аутентичность диалога. Конечной целью выступает не информационный обмен

или его внешняя сторона – языковое взаимодействие, не механическая аккумуляция, аддитивное суммирование готовых смыслов-значений, а совместное нахождение или порождение качественно новых смыслов. В процессе диалога происходит становление, корреляция, приращение когерентных смыслов. Аутентичное диалогическое взаимодействие приводит к смысловому обогащению субъектов этого взаимодействия. Диалог – важная форма личностного взаимодействия, условие понимания участников общения. Само понимание – это обнаружение смысла, смысловое освоение действительности [1, с. 52].

Понимание – это результат и предпосылка диалога индивидуальных и социальных субъектов, цивилизаций и культур. Явно устаревшее значение термина «диалог» широко употреблялось и иногда употребляется в настоящее время для вопросно-ответного изложения сложных вопросов с помощью подобной сократической «диалектики». Новейшая диалогическая методология связывается с социально-историческим познанием и текстами культуры [4; 6; 16]. Однако в нашем случае мы ведем речь не только о познании, но и о сознании. Если познание направлено на получение знания, то сознание направлено на получение смыслов.

Однако мы бы предложили аксиологически заостренное понимание диалога. В диалоге реализуются два основных человеческих стремления: с одной стороны, это стремление «высказать» свое отношение к ситуации и потребность быть «услышанным», понятым; с другой стороны, желание понять другого и быть, в свою очередь, понятым самому Другим. Способ этой реализации аналогичен способу бытия философии. Поиск и анализ такого способа означает обращение к истоку философии в античности [1, с. 52].

Среди современных философов и ученых, исследовавших диалог, следует назвать Ю. Хабермаса, который предлагает перейти от конфронтации к коммуникации, плодотворному дискурсу представителей различных культурных и социальных традиций. Надо вовлечь Другого, то есть возможного противника, в дискуссию. Сама языковая коммуникация подразумевает признание собеседника равным себе [13].

Понятие «диалогизм» также требует пояснения в связи с новым пониманием его квазиобъективного содержания. В этом термине мы бы подчеркнули «объективную» сторону в отличие от субъективного употребления данного термина, когда диалогизмом обозначаются субъективные формы ценностно-смыслового взаимодействия. Под диалогизмом понимается традиция диалога в духовной сфере и рефлексивные историко-философские образования по поводу тех или иных диалогов. В контексте данного исследования под диалогизмом мы предлагаем понимать онтологическую корреляцию указанных диалогических рефлексивных формообразований. Диалогизм – это онтологическое условие и предпосылка активного диалога. В этом смысле диалогизмы могут существовать, но достаточно активного диалога при этом не будет.

Следует высказать тезис о том, что исследование диалогичности исторического сознания сталкивается с трудностями. Например, возникает такая своеобразная апория: как возможен диалог с прошлым, которого нет, с мыслителями, которых уже нет?

Личность осмысливает развитие общественной реальности, занимая определённое отношение к ней. Это отношение и есть историческое сознание в том случае, если личность изначально исторична. Индивидуальная историчность позволяет находить онтологический диалогизм в виде исторически развернутой личности, которая берет свое начало в «осевом времени», или в «осевой эпохе», по терминологии Карла Ясперса. Например, историчность религиозного сознания выражается в том, настоящее – это не одна точка, не один миг между прошлым и будущим, а отрезок в две тысячи лет. Религии спасения – это рефлексия на личность, один из вариантов преодоления страха перед неизбежным индивидуальным концом света с помощью веры в бессмертие родовой жизни.

Сознание человека является диалогичным по самой своей сути. Так исторически религиозное сознание с необходимостью создает особую инстанцию диалога – личностную инстанцию – «персонифицированную совесть», которая наделена отличающимися от человека признаками: справедливостью, истинностью и другими атрибутами абсолюта. Совесть обретает качества сверхъестественного существа, приобретает сакральную святость, абсолютность и непогрешимость [7, с. 196].

В религиозном сознании и диалоге с инстанцией абсолюта совесть олицетворяется в виде Бога или иных духовных существ. Данная идея развита В. Франклом. Он полагает, что Бог выступает как собеседник в интимном диалоге, а совесть репрезентирована в качестве сверхличности. Настоящий диалог – это не разговор с самим собой, а сакральное общение с высшей инстанцией [12, с. 126]. Выражением переживания опыта религиозного диалога стала молитва. Как раз в ней, в таком действии далекие сверхъестественные существа приобретают в личностном сознании свойства непосредственного собеседника. Исследователи подчеркивают и негативные тенденции в абсолютизации субъективной нравственной инстанции диалогизма в религиозном сознании [6]. На наш взгляд, Т.В. Излученко и В.И. Кудашов преувеличивают эти возможные негативные стороны диалога в религиозном сознании. По их мнению, в экстремистских организациях религиозного вида «диалогичность сознания участников направлена на укрепление экстремистских идей» [6, с. 134], якобы на обоснование этих идей догмами вероучения и сознательное противопоставление другим мировоззренческим установкам и их носителям (позиция «Мы – Они» как позиция ксенофобии). Однако, на наш взгляд, лучше было бы вести речь о монологизме как основе подобных религиозных сообществ; монологизме и фанатизме, которые выступают препятствием для диалога. Обманчивую видимость создает внешнее проявление монологизма в обилии этикетных и ритуальных диалогов, которые являются диалогами по чисто формальным, языковым признакам.

Еще одна трудность возникает тогда, когда встает вопрос о русском народе, который П.Я. Чаадаев охарактеризовал в качестве неисторического народа. Как возможен диалог в коллективистском обществе? Возможен ли он вообще? Западники и славянофилы спорили не столько о Западе или Востоке, сколько о личности в России. Исторически российскому обществу присущи как раз гетерономия и антипод диалогизма – онтологический монологизм. Эти исторические тенденции (гетерономия и монологизм) выступают как основные направления социального развития, общественного бытия и общественного сознания. Несомненно, монологизм – это традиционный способ ригидного, жесткого способа управления в обществе, которое часто попадает в полосу кризисов, в котором, по выражению А.С. Пушкина, «народ безмолвствует» и подчиняется командам и приказам, не обсуждая их, а неукоснительно выполняя. Отсутствие диалога политической власти с молчаливым народом выступает своеобразным «знаком согласия» даже с неправовым законом, беззаконием и с произволом. Интересно отметить, что, современное информационно-компьютерное общество с его значительными возможностями демократизации общественной жизни также встречается с проблемой бессубъектных, как бы «молчащих» (неспособных к диалогу) масс. На этот факт обращает внимание Ж. Бодрийяр, высказывая мысль о конце социального [3].

По-своему прав был К.Д. Кавелин, когда предлагал императив автономности личностного сознания и личностного бытия для русского человека. Диалог на личностном уровне – это самораскрытие автономности личностного сознания. Первые шаги, которые делает человек на этом пути – это обретение собственности и осознания своих фундаментальных прав на жизнь и свободу. Право – ключ к развитию российской цивилизации, поскольку без права нет и цивилизации. История культуры на Руси, согласно аргументам К.Д. Кавелина [8, с. 19], начиналась с полного отсутствия личного начала. Задача истории по отношению к русскому племени и в отношении германских племен была различна, полагал К.Д. Кавелин. Так, германским племенам надо было усовершенствовать, развить уже существующую историческую личность, превратив личность воинственную в личность человеческую; а нам, российско-славянскому племени, предстояло вообще создать личность как таковую [8, с. 19–20]. И затем этот цивилизационный процесс шел очень медленно. Индивидуальное начало, автономная личность, адекватная индивидуализация традиционно коллективистского общества – это важный цивилизационный вызов для современного этапа российской истории. Такое отсутствие личности, способной к общественно значимому открытому диалогу, спровоцировало жесткий легизм советской системы.

Несомненно, своя истина была и у славянофилов. Крайний индивидуализм замыкает человека в своем отчужденном мире, и диалог становится невозможным. Между буберовским Я и Ты возникает пропасть, которую можно преодолеть только чудесным способом. Это чудо называется Встреча с большой

буквы. В России само личностное начало находит особые формы выражения. Личность в контексте христианской культуры становится соборной, симфонической, что обеспечивает предпосылки диалога в виде онтологических диалогизмов духовной культуры. Поэтому ответ на вопрос, возможен ли диалог в коллективистском обществе, на наш взгляд, может быть положительным.

Ключом к пониманию особенностей российских диалогизмов и их места в российской ментальности служит концепт коллективных тезаурусов. Коллективный тезаурус у Ю.А. Шрейдера рассматривается как открытая, нелинейно развивающаяся, упорядоченная система ряда смысловыражающих элементов, между которыми заданы смысловые отношения [15, с. 147–159]. Преобразование этих отношений идет посредством потребления и преобразования, переработки получаемой информации в ходе жизнедеятельности общества [10, с. 140–147]. Понятие тезауруса мы распространяем на социальную память, включающую не только знания, но и ценности, вследствие чего это понятие (тезаурус) можно применять не только в чисто информационном, но и в аксиологическом смысле. Основанием для такого предположения может служить то, что в настоящее время внимание ученых все более привлекает к себе процесс передачи «эстетической информации», «нравственной информации», «религиозной информации» в силу практической важности этих концептов. Происходит осознание, что воспитание людей нельзя мерить только количеством научной информации. Однако даже модель информационная делает понятие тезауруса интересным для рассмотрения одного из ключевых терминов – термина «понимание». Смыкание информационных тезаурусов служит онтологическим основанием для взаимного понимания. Отметим, что критерием монологизма, напротив, служит нестыковка, несмыкание или неадекватное смыкание коллективных информационных тезаурусов, их закрытость, замкнутость на себя.

Понятие коллективных тезаурусов выступает как особенное, если принять общественное и индивидуальное сознание за общее и единичное соответственно. Это основное звено, соединяющее индивида с миром духовной культуры общества. В понятии тезауруса можно выразить некоторые процессы коммуникации и условий диалога. Придем для наглядности простой пример. Почему, академики не могут обучать первоклассников? Конечно, не потому, что академики мало знают. Наоборот, именно потому, что они знают много. У них несоизмеримые информационные тезаурусы. Тезаурус приемника (первоклассника) очень мал относительно тезауруса источника (академика). Такое обучение было бы неэффективным, потому что первоклассники ничему практически не научились бы. Чтобы повысить эффективность обучения иными словами, увеличить количество информации, извлекаемой приемником из сообщения необходимо уменьшить различие в тезаурусах ученика и учителя. Тогда лучшим вариантом оказывается знающая только само главное и необходимое учительница первого класса соответствующим тезаурусом.

В этом отношении интерес представляет также и позиция С.Л. Франка. Он доказывает, что «я», «ты» и «мы» соотносительны и «одинаково первичны» [11]. Они заданы сразу в качестве единой структуры. Они диалектически взаимно порождают друг друга.

Отметим важность такой дилеммы, как мораль или право, выбора альтернативных регуляторов человеческой деятельности. Исторической традицией российского общества стал панморализм, сопряженный с правовым нигилизмом и парадоксально вытекающим из него легизмом. Панморализм на уровне общественной жизни не исключает такого явления как жизнь по понятиям и оправдание противоправного и аморального насилия. Было бы ложной дилеммой противопоставлять панморализму легизм с его сухим нормативизмом, который вытесняет богатство традиционного нравственного сознания русского народа. Реальной альтернативой выступает правовой и нравственный диалог.

Отметим в этой связи такой специфический для истории России феномен, как учительство. Сущность учительства как особого социокультурного феномена в истории России заключается в том, что оно отражает традиционность общества с его способами устной трансляции социального опыта от одного поколения к другому и одновременно стремление российского общества к социальной рационализации и модернизации. В учительстве причудливо переплетены монологизмы и диалогизмы. Охарактеризованы многообразные формы учительства: кроме естественного педагогического учительства существует религиозное, философское, художественно-эстетическое, политическое, правовое, моральное, научное. Поэт в России больше, чем просто поэт, писатель – больше, чем писатель. Они все Учителя с большой буквы, учителя жизненной мудрости.

Для нас важно не только и не столько обсудить адекватность выражения имплицитных онтологических диалогизмов в живом диалоге, сколько их наличие. Для России характерны такие диалогизмы, как православная нравственность как особое культурное формообразование, русская художественная литература (особенно в XIX веке), панморализм, фольклор.

К сказанному следует добавить, что и само собственно педагогическое (особенно деятельность педагогов-новаторов и великих просветителей) учительство приобретает обобщенную форму жизнеучительства. Учитель больше, чем учитель. Ему делегирована власть морального авторитета. Элементы диалога в этой форме диалогизма (учительстве) приобретают принудительную модальность, становятся сакральным и асимметричным отношением, напоминающим гегелевскую диалектику рабства и господства. В умеренной форме учительства, несомненно, заключается прогрессивное содержание агональной культуры, способствующей становлению и развитию личностного начала.

Однако часто учительство в его всеобщей форме приобретает характер взаимной ненависти, стремления возвыситься за счет унижения другого. Так, например, О.В. Хахордин проанализировал массовое стремление к обличению,

которое показывает, что все люди плохие, но они лицемерят, хотят казаться хорошими, поэтому надо срывать с них маски, обличать [14]. Простой колхозник под одобрительные жесты односельчан должен обязательно «срезать» кандидата наук, который, оказывается, не знает простых вещей, о которых пишут в газетах (рассказ В.М. Шукшина «Срезал»). Еще раз подчеркнем, что умеренное учительство как форма диалогизма отличается от монологизма. Крайними формами монологизма являются приказ и команда, которые не осмысливаются, а только бездумно исполняются. Вытеснение диалога из жизни человека и замена его приказами и командами приводит к тому, что жало приказа парализует сознание, задает установку на фанатизм и человеконенавистничество. Даже такой фанатизм, который основан на абстрактной идее «чистой любви» (например, у сторонников одной конфессии [6]), ведет к монологизму (своего рода инквизиции и гонениям на инакомыслящих). Диалог ведет к пониманию, следовательно, открывает дорогу к взаимному уважению и подлинной альтруистической любви.

Постановка вопроса о диалогизме как квазиобъективном формообразовании предполагает дальнейшее исследование. Диалог всегда нагружен аксиологически, он органично включает ценности, сознание и склонен к морализаторству. Сторонники объективного подхода к личности вынуждены погружаться в проблематику социального действия и бессознательного, элиминируя диалог. Однако, на наш взгляд, исследование диалогизмов могло бы прояснить наличие или отсутствие взаимосвязи между объективными отношения личности в обществе и субъективными способами диалога и общения между личностями. Пока же отношение между объективными отношениями и диалогом остаются скорее, эпистемологически дуальными, совместимыми только в соответствии с принципом дополнительности, разработанным Нильсом Бором.

Таким образом, под диалогизмом можно иметь в виду онтологическую реальность, определенные социокультурные формообразования, которые близки к понятию коллективных информационных тезаурусов. На основе онтологических диалогизмов обеспечивается взаимное понимание людей в обществе и продуцируются живые диалоги, а также эксплицитные эпистемологические рефлексии над имплицитными социально-психологическими по своей природе диалогизмами и живыми диалогами. Историческое развертывание диалогизмов в социально-историческом сознании представляет инновационный путь трансформации социальности, который сопряжен с социальной традицией учительства и симбиозами монологизмов и диалогизмов. Историческое доминирование традиции в развитии России предполагает наличие механизмов аутопозиса в ценностно-смысловой структуре диалогизмов. Однако инновационное развитие, необходимо вытекающее из диалектики самой социокультурной традиции, требует личностного и межличностного диалога для укрепления механизмов социальной саморегуляции системы. Именно на таком диалоге строится межкультурный и межцивилизационный диалог, моделирующий нравственные ценности на глобальном уровне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров, Е. П. Проблема диалога в современном гуманитарном знании / Е. П. Александров. – Текст : непосредственный // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2014. – № 1 (19). – С. 52–57.
2. Антропова, Н. К. Проблема диалога в русской философии конца XIX – начала XX вв. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Антропова Наталья Константиновна. – Екатеринбург, 1999. – 25 с. – Текст : непосредственный.
3. Бодрийар, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийар. – URL: <http://lib.ru/FILOSOF/BODRIJAR/silent.txt> (дата обращения: 05.02.2023). – Текст : электронный.
4. Гурьянова, А. В. Диалогизм как основополагающий принцип познания истории / А. В. Гурьянова. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского государственного университета. – 2012. – № 2-2. – С. 155–159.
5. Зарапин, О. В. Философский диалог как деятельность: культура и текст / О. В. Зарапин. – Симферополь : Антика, 2023. – 220 с. – Текст : непосредственный.
6. Излученко, Т. В. Негативное проявление диалогичности в экстремистском религиозном сознании / Т. В. Излученко, В. И. Кудашов. – Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2016. – № 5 (33). – С. 130–143.
7. Излученко, Т. В. Проявление диалогичности в религиозном сознании / Т. В. Излученко. – Текст : непосредственный // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2012. – № 1. – С. 193–197.
8. Кавелин, К. Д. Собрание сочинений К.Д. Кавелина : в 4 томах. Том 1: Монографии по русской истории : разсуждения, критические статьи и заметки К. Д. Кавелина / К. Д. Кавелин. – СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1897. – XXXII с., 1052 стлб. – (Пагинация основного текста в столбцах). – Текст : непосредственный.
9. Орлова, О. В. Автономия личности и автономия гражданского общества / О. В. Орлова. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2006. – № 1. – С. 12–18.
10. Сахарова, Ю. В. Коллективный тезаурус: системно-структурный аспект / Ю. В. Сахарова. – Текст : непосредственный // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2. – С. 140–147.
11. Франк, С. Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию / С. Л. Франк. – Paris : YMCA-press, 1930. – 313 с. – Текст : непосредственный.
12. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 366 с. – Текст : непосредственный.
13. Хабермас, Ю. Теория коммуникативной деятельности / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2022. – 878 с. – Текст : непосредственный.
14. Хархордин, О. В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности / О. В. Хархордин. – 2-е изд. – СПб. : Европейский университет, 2016. – 507 с. – Текст : непосредственный.
15. Шрейдер, Ю. А. Информация в структурах с отношениями / Ю. А. Шрейдер. – Текст : непосредственный // Исследования по математической лингвистике, математической логике и информационным языкам. – М. : Наука, 1972. – С. 147–159.

16. Эзри, Г. К. К вопросу о соотношении понятий «диалог» и «объектные отношения» в истории философии XIX–XX веков / Г. К. Эзри. – Текст : непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 8-2 (71). – С. 78–81. – DOI 10.24412/2500-1000-2022-8-2-78-81.

REFERENCES

1. Aleksandrov Ye. P. *Problema dialoga v sovremenном gumanitarnom знanii* [The problem of dialogue in modern humanitarian knowledge]. *Vestnik Taganroгskого institute upravleniya i ekonomiki = Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics*, 2014, no. 1 (19), pp. 52–57. (In Russian).

2. Antropova N. K. *Problema dialoga v russkoy filosofii kontsa XIX – nachala XX vv. : avtoreferat dis. ... kandidata filosofskikh nauk* [The problem of dialogue in Russian philosophy of the late XIX – early XX centuries : abstract dis. ... candidate of philosophical sciences]. Yekaterinburg, 1999, 25 p. (In Russian).

3. Bodriyar Zh. *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo* [In the Shadow of the Silent Majority, or the End of the Social]. Yekaterinburg, 2000. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/BODRIJAR/silent.txt>. (In Russian).

4. Gur'yanova A. V. *Dialogizm kak osnovopolagayushchiy printsip poznaniya istorii* [Dialogism as a fundamental principle of knowledge of history]. *Vestnik Samarskого gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Samara State University*, 2012, no. 2-2, pp. 155–159. (In Russian).

5. Zarapin O. V. *Filosofskiy dialog kak deyatel'nost': kul'tura i tekst* [Philosophical dialogue as activity: culture and text]. Simferopol': Antikva, 2023, 220 p. (In Russian).

6. Izluchenko T. V., Kudashov V. I. *Negativnoye proyavleniye dialogichnosti v ekstremistskom religioznom soznanii* [Negative manifestation of dialogicity in extremist religious consciousness]. *Vestnik Novosibirskого gosudarstvennogo pedagogicheskого universiteta = Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University*, 2016, no. 5 (33), pp. 130–143. (In Russian).

7. Izluchenko T. V. *Proyavleniye dialogichnosti v religioznom soznanii* [Negative manifestation of dialogicity in extremist religious consciousness]. *Vestnik Krasnoyarskого gosudarstvennogo pedagogicheskого universiteta im. V.P. Astaf'yeva = Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University*, 2012, no. 1, pp. 193–197. (In Russian).

8. Kavelin K. D. *Sobraniye sochineniy K.D. Kavelina* [Collected works of K.D. Kavelin]. SPb. : Tip. M.M. Stasyulevicha, 1897–1900, Vol. 1: *Monografii po russkoy istorii* [Monographs on Russian history], 1897, XXXII p., 1052 p. (In Russian).

9. Orlova O. V. *Avtonomiya lichnosti i avtonomiya grazhdanskого obshchestva* [Autonomy of the individual and the autonomy of civil society]. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2006, no. 1, pp. 12–18.

10. Sakharova Yu. V. *Kollektivnyy tezaurus: sistemno-strukturnyy aspekt* [Collective thesaurus: system-structural aspect]. *Izvestiya Tul'skого gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki = Bulletin of the Tula State University. Humanitarian sciences*, 2013, no. 2, pp. 140–147. (In Russian).

11. Frank S. L. *Dukhovnyye osnovy obshchestva: vvedeniye v sotsial'nuyu filosofiyu* [Spiritual foundations of society: an introduction to social philosophy]. Paris, YMCA-press, 1930, 313 p. (In Russian).

12. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man in search of meaning]. M., Progress, 1990, 366 p. (In Russian).

13. Habermas Y. U. *Teoriya kommunikativnoy deyatelnosti* [Theory of communicative activity]. М., Ves' mir, 2022, 878 p. (In Russian).

14. Kharkhordin O. V. *Oblichat' i litsemerit': genealogiya rossiyskoy lichnosti* [Reveal and hypocrisy: the genealogy of the Russian personality]. 2-ye izd. SPb., Yevropeyskiy universitet, 2016, 507 p. (In Russian).

15. Shreyder Yu. A. *Informatsiya v strukturakh s otnosheniyami* [Information in relational structures]. *Issledovaniya po matematicheskoy lingvistike, matematicheskoy logike i informatsionnym yazykam = Studies in Mathematical Linguistics, Mathematical Logic and Informational Languages*. М., Nauka, 1972, pp. 147–159. (In Russian).

16. Ezri G. K. *K voprosu o sootnoshenii ponyatiy "dialog" i "ob"yektnyye otnosheniya" v istorii filosofii XIX–XX vekov* [On the question of the relationship between the concepts of "dialogue" and "object relations" in the history of philosophy of the XIX–XX centuries]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk = International Journal of the Humanities and Natural Sciences*, 2022, no. 8-2 (71), pp. 78–81. DOI 10.24412/2500-1000-2022-8-2-78-81. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Диалогизмы социально-исторического сознания / А. Д. Похилько, М. А. Губанова, В. Е. Лоба, И. А. Абдулаева. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 1. – С. 173–183.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Pokhilko A. D., Gubanova M. A., Loba V. E., Abdulaeva I. A. Dialogisms of Social and Historical Consciousness / A. D. Pokhilko, M. A. Gubanova, V. E. Loba, I. A. Abdulaeva // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, No. 1, pp. 173–183. (In Russian).